

**Сборник материалов международной конференции
«Дерадикализация исламистов: теория и практики
(международный и российский опыт)»**

26 октября 2022 года, г. Москва

Москва — 2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт Африки РАН

Центр цивилизационных и региональных исследований

**«Дерадикализация исламистов:
теория и практики
(международный и российский
опыт)»**

Москва

2022

Под общей редакцией И.В. Следзевского

Ответственные редакторы:

Карпачева О.В., к.и.н., Нефляшева Н.А, к.и.н., доц.

Дерадикализация исламистов: теория и практики (международный и российский опыт): материалы международной конференции. – М.: Институт Африки РАН, 2022. - 51с.

ISBN 978-5-91298-289-7

В сборнике публикуются материалы конференции: «Дерадикализация исламистов: теория и практики (международный и российский опыт)». Авторами рассматриваются вопросы радикализации мусульман и дерадикализации исламистов (методологические и теоретические подходы), программы и практики дерадикализации исламистов и основные проблемы в их реализации. Также затрагиваются темы гендерного измерения дерадикализации исламистов, роль семьи, гражданского общества и религиозных авторитетов в процессах дерадикализации исламистов в республиках Северного Кавказа и Татарстане. Материалы будут полезны политологам, философам, культурологам, социологам, конфликтологам, историкам, руководителям профильных подразделений в органах государственной власти, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными политическими процессами.

Публикуется в авторской редакции.

ISBN 978-5-91298-289-7
2022

© Авторы,

СОДЕРЖАНИЕ

Следзевский И.В. Приветственное слово участникам конференции.....	
Абдуллаев М.Х. Многозначность радикализации и подходы к ее пониманию в контексте противодействия экстремизму: американский опыт.....	
Албогачиева М.С. Опыт дерадикализации ингушского общества.....	
Бобохонов Р.С. Политизация салафизма и кризис суфизма в Тропической Африке.....	
Воронина Н.А. Опыт дерадикализации исламистов в Великобритании....	
Карпачева О.В. Опыт дерадикализации в Египте и Марокко.....	
Кашина А.А. Тунисский подход к проблеме дерадикализации исламистов.....	
Кирчанов М.В. Дерадикализация ислама в современной Индонезии.....	
Курбанова Л.У. Практики дерадикализации и профилактической работы с молодежью. Опыт Чеченской республики.....	
Мосейко А.Н. Следование принципам этики суфийского ислама как один из путей дерадикализации в Африке.....	
Нефляшева Н.А. Дерадикализация исламистов: историографический аспект.....	
Павлов В.В. Финансовые аспекты дерадикализации исламистов.....	
Павлова О.С. Социально-психологические механизмы дерадикализации.....	
Патеев Р.Ф. Мировоззренческие аспекты фаталистического сознания: проблемы профилактической работы и дерадикализации исламистов.....	
Пономарев И.В. Элита, контрэлита и западная ментальность: идеологические и прагматические аспекты «дерадикализации» исламистов на примере Кении и Мали.....	
Раздыкова Г.М. Казахстанский опыт репатриации и реабилитации эвакуированных из зон террористической активности женщин по гуманитарной операции «Жусан».....	
Семенова А.А. Женский исламский радикализм в Тунисе, общие и специфические инструменты дерадикализации.....	
Сиражудинова С.В. Проблемы дерадикализации на Северном Кавказе: гендерный аспект.....	
Сулумов С.Х. Некоторые аспекты определения радикальности и радикализации акторов социальных процессов.....	
Харитоновна Е.В. Возможности социальной психологии в программах дерадикализации исламистов.....	
Царегородцева И.А. Кораническая экзегетика и дерадикализация ислама:	

подход сирийского инженера Мухаммада Шахрура.....

Следзевский И.В.
Д.и.н., вед. науч. сотр., директор
Центра цивилизационных и региональных
исследований Института Африки РАН

Приветственное слово участникам конференции

Начало культурному, религиозному и политическому возрождению ислама было положено исламской революцией в Иране в 1979 г. Этот феномен набрал огромную мощь в конце XX – начале XXI века, и сегодня в рамках данного явления можно обозначить целый ряд масштабных процессов, принципиально важных для понимания трансформации ислама, повлекших за собой его политизацию и радикализацию. Прежде всего, необходимо обратить внимание на феномен глобализации политического ислама, на процессы и тенденции развития сетевого ислама, связанные с миграционными процессами.

За прошедшие годы накоплен значительный опыт силовой борьбы с радикальным исламизмом, в том числе с группировкой «Исламское государство». Однако приходится признать, что силовые методы не привели к принципиальному изменению ситуации в мире в плане угрозы радикализации ислама.

Рассматривая вопросы дерадикализации ислама в рамках конференции «Дерадикализация исламистов: теория и практики (международный и российский опыт)», мы затрагиваем целый ряд проблем – социальных, политических, психологических и даже цивилизационных. С одной стороны, необходимо понять, каким потенциалом обладают сами исламские общества в контексте преодоления радикального течения ислама. Конечно же, это возможности базовых институтов исламского общества, прежде всего, семьи, общины. Не менее важен потенциал современного исламского гражданского общества. С другой стороны, важно дать оценку практике борьбы с радикальными исламскими течениями в современном мире, включая профилактику роста радикального исламизма, умиротворение исламистов, преодоление негативных установок.

Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН уделяет вышеназванной проблематике достаточно большое внимание. В том числе на протяжении ряда лет Центр издает альманах «Радикальный исламизм на политической карте современного мира».

На конференции будут работать три секции: «Дерадикализация исламистов: теория, методология, историография проблемы» (модераторы – И.В. Следзевский, вед. науч. сотр., д.и.н., проф., заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; Е.В. Харитоновна, к.психол.н., ст. науч. сотр. Института Африки РАН); «Дерадикализация исламистов: опыт России и стран СНГ» (модератор – Н.А. Нефляшева, к.и.н., ст. науч. сотр., доц. Института Африки РАН), «Дерадикализация исламистов: опыт стран Африки, Европы и США» (модератор – О. В. Карпачева, к.и.н., науч. сотр. Института Африки РАН).

На конференции нам предстоит заслушать более 20 докладов и обсудить следующие вопросы:

- радикализация мусульман и дерадикализация исламистов: методологические и теоретические подходы
- программы и практики дерадикализации исламистов (международный опыт)
- роль семьи, гражданского общества и религиозных авторитетов в процессах дерадикализации исламистов в республиках Северного Кавказа и Татарстане
- гендерное измерение дерадикализации исламистов
- основные проблемы в реализации программ дерадикализации

В конференции принимают участие ученые и эксперты из Института Африки РАН, ИВИ РАН, Московского государственного психолого-педагогического университета, НИУ- Высшая школа экономики, МАЭ им. Петра Великого, Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара, Воронежского государственного университета, Дагестанского государственного университета народного хозяйства. Академии наук

Республики Татарстан, Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, Центра анализа и развития межконфессиональных отношений Республики Казахстан, Общественного фонда «Информационно-пропагандистский и реабилитационный центр «AQNIET» Республики Казахстан, Caspian Policy Center, Washington, USA.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы!

Абдуллаев М.Х.
к. филол.н., стажер-исследователь в лаборатории
Центра Каспийской политики (США)

Многозначность радикализации и подходы к ее пониманию в контексте противодействия экстремизму: американский опыт

Угрозы терроризма и действий экстремистского характера остаются одними из ключевых рисков национальной безопасности Соединенных Штатов Америки. События января 2021 г. (штурм Капитолия участниками националистических и сепаратистских организаций) лишь подогрели споры о недостаточном государственном участии в реализации программ дерадикализации лиц, которые относятся к «группе риска».

В последние годы уровень экстремистской активности внутри страны постоянно растет (*данные RAND Corporation, US National Institute of Justice, 2021 г.*), причем стабильный рост наблюдается с 2018 г. (начиная с массового расстрела в одной из синагог Питтсбурга, штат Пенсильвания). Учитывая существующие угрозы, правительство Соединенных Штатов совместно с профильными исследовательскими институтами и партнерами из частных корпораций предпринимает попытки профилактики и предупреждения угроз насильственного экстремизма. Также реализуются государственные программы «перевоспитания» радикализованных групп населения, причем эти программы ежегодно проверяются на эффективность, параллельно разрабатываются новые методы борьбы с угрозами радикализации, учитывая текущие вызовы и риски (в особенности после атаки на Капитолий 6 января 2021 г., вызывавшей серьезное беспокойство в Белом доме, а также новый виток политической конфронтации между демократами и республиканцами).

В западных странах, в частности Соединенных Штатах Америки, «радикализацию» в широком смысле слова понимают как процесс, в ходе

которого у отдельных лиц (или группы индивидов) с течением времени при определенном психологическом и ином виде воздействий формируется мышление, способное (при соответствующих обстоятельствах и условиях) повысить их социальнонапряжение и подтолкнуть к участию в действиях насильственного характера, под которыми – в контексте угроз общественного порядка и безопасности нации – подразумеваются, как правило, «насильственный экстремизм» (violent extremism) или терроризм. Соответственно, западные исследователи в термин «дерадикализация» вкладывают следующий смысл: *«...это методы и приемы, применяемые для прерывания и обращения вспять продолжающегося или уже завершеного процесса радикализации («радикализования сознания индивида или группы лиц»), и тем самым снижающие потенциальный риск для общества от экстремизма и терроризма».*

Однако ряд авторитетных американских исследователей (R.A. Brown, T.C. Helmus, L. Clutterbuck и др.) считает, что подобного рода попытки «подогнать» под дерадикализацию различные методы и приемы, на практике имеющие принципиально разноплановую природу, цели и способы реализации, могут привести к путанице: *«...очень часто термин «дерадикализация» ошибочно используется как широкое понятие, охватывающее другие, различные, но связанные с ним методы и приемы, направленные на снижение риска для общества от террористических угроз, включая контррадикализацию (термин, используемый для описания методов прекращения или контроля радикализации в процессе ее протекания) и антирадикализацию (термин, используемый для описания методов сдерживания и предотвращения радикализации в самом ее зародышевом виде)».*

Принципиально важным моментом тут выступает тот факт, что в двух последних случаях индивид пока еще непричастен непосредственно к совершению каких-либо уголовно наказуемым действиям экстремистского или террористического характера, а *«...сам процесс «радикализования», возможно, еще не завершён или даже не начался всерьёз».* Следовательно, эти

лица не содержатся под стражей в исправительных учреждениях и, соответственно, не подвергаются прямому и жесткому контролю, который обеспечивает отслеживание попыток психологического воздействия на конкретно взятого индивида. У американских исследователей в данном случае под программами предотвращения радикализации отдельно взятых лиц понимаются именно программы контррадикализации или антирадикализации (вышеназванные ученые считают, что это еще не дерадикализация сама по себе, а предшествующие ей методы и способы противодействия радикализации населения).

Непосредственно государственные или локальные программы дерадикализации лиц, вовлеченных в экстремистские или террористические группировки и течения, направлены на «перевоспитание» тех, кто уже находится под арестом, обвинен или отбывает наказание в исправительных учреждениях, либо готовится к освобождению и возвращению к нормальной жизни. Как правило, все эти лица были непосредственно вовлечены в экстремистскую или террористическую деятельность. В США такие лица обязаны пройти определенные государственные программы дерадикализации в различных формах, в зависимости от степени вовлеченности в экстремистскую деятельность, а также тяжести совершенных преступлений террористического характера. Только в этом случае, по мнению западных исследователей, программы «перевоспитания» могут быть определены как «государственные меры дерадикализации» (*«...для лиц, лишенных свободы и задержанных из-за их активного участия в террористической деятельности»*).

Данное исследование посвящено изучению контекстов и условий, в которых применяются те или иные типы программ (контррадикализации, антирадикализации, дерадикализации), а также цели, на которые они направлены, и тому, какие практические проблемы (с учетом конкретно взятой американской специфики) они помогают разрешить. Тем не менее следует отметить, что в особом фокусе в данном исследовании все же находится дерадикализация конкретно взятого индивида или группы лиц, вдохновленных,

мотивированных и уже вовлеченных в экстремистскую или террористическую деятельность, в том числе лиц, в отношении которых либо ведется следствие, либо которым был вынесен обвинительный приговор суда (т. е. тех, кто уже отбывает наказание в исправительных учреждениях).

В предлагаемом исследовании поднимаются вопросы применения государственных программ дерадикализации в отношении лиц, вовлеченных в повстанческие (сепаратистские) движения, религиозных фанатиков (например, тех, кто поддерживает идеи «насильственного джихада»), а также последователей т. н. «радикального исламизма».

Албогачиева М.С.
д.и.н., вед. науч. сотр.
Отдела Кавказа
Музея этнографии и антропологии им. Петра Великого РАН,
Санкт-Петербург

Опыт дерадикализации ингушского общества

В конце XX – начале XXI вв. в ингушском обществе начался процесс реисламизации. Наряду с позитивными изменениями, связанными со строительством мечетей, исламских вузов и медресе, началась и радикализация части общества. Традиционное общество с устоявшимися веками нормами ислама стало противиться новым, достаточно радикальным идеям религиозных неофитов, которые противопоставляли себя всему обществу. Они считали неисламскими нормы, принятые в локальном мусульманском обществе в предыдущий исторический период, и считали всех, кто придерживается этих норм, вероотступниками. Ингушское общество на этом историческом витке находилось в сложной социально-экономической и политической обстановке. Тем не менее духовенство Ингушетии и власти региона объединили все усилия для борьбы с радикалами. 2 августа 1998 г. совместно с ДУМ РИ приняли закон, запрещающий ваххабизм на территории Республики Ингушетия. Руководство республики и лидеры духовенства понимали, что общество не имеет должного уровня религиозного образования. Нужно было найти способы противодействия. После продолжительных консультаций и различного рода совещаний было решено ввести в школах преподавание в общеобразовательных школах предмета «Основы религии» в 5–11-х классах. Были подготовлены и в течение пяти лет изданы учебники «Основы религии» для учащихся 5–11 классов. Разработаны методические пособия для преподавателей указанного предмета. Преподавание «Основ религии» велось исключительно местными учителями.

Несмотря на все усилия местной власти и духовенства на территории Ингушетии сформировался радикальный Джамаат Галгайче (Ингушский

джамаат). Участниками Джамаат Галгайче совершено множество террористических операций и убийств, во время которых погибли, наряду с силовиками, мирные жители. Изучая ключевые особенности создавшейся проблемы, власти региона пришли к выводу, что некоторые люди становятся участниками террористических группировок случайно. Этот неутешительный факт волновал руководство региона. Для решения этой непростой ситуации в 2011 г. была создана Комиссия по адаптации бывших боевиков.

Антитеррористическая комиссия Ингушетии по итогам деятельности в 2015 г. была признана одной из лучших в стране. «Вдов и жен боевиков не притесняют. Они продолжают работать и получать социальные пособия. Детей мониторят, но так, чтобы это не бросалось в глаза и не вызывало беспокойство родственников. В итоге вдовы лучше интегрированы, дети не живут в стрессе и, как следствие, лучше успевают в школе и на внешкольных занятиях. В феврале 2017 г. в республике были созданы два общественных совета по работе с родственниками боевиков, однако они не превратились в действенные институты»¹. Местные женские организации помогают женам боевиков социализироваться в обществе, с ними проводится большая воспитательная работа по адаптации их к жизни. В Ингушетии создан клуб «Турпалхо», который занимается адаптацией детей убитых боевиков и погибших сотрудников полиции. Им читают лекции, показывают фильмы, формирующие у подрастающего поколения любовь к своему народу, традициям, Родине. «Ингушский Общественный фонд социального развития „Генезис“ проводит тренинги для молодежи в четырех республиках: Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, привлекая молодежные НКО, молодых лидеров и республиканские власти.

Нововведением 2018 г. стала обучающая программа, разработанная Комитетом по делам молодежи под названием «ДИЗлайк экстремизму». Во

¹ Сокирянская Е.Л. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе? // Центр анализа и предотвращения конфликтов. Январь 2019 года [Электронный ресурс]. <https://ru.readkong.com/page/mozhno-li-predotvratit-novye-volny-radikalizacii-na-7741335>(дата обращения 18.07.2019)..

время лекций освещаются различные вопросы, связанные с интернет-безопасностью, с угрозами, исходящими от террористической идеологии, с различными механизмами вербовки.

Также Правительством Республики Ингушетии утверждена государственная программа «Укрепление межнациональных отношений и развитие национальной политики», которая включает следующие 6 подпрограмм, одна из которых – «Профилактика терроризма и экстремизма» – направлена на обеспечение общественной безопасности и государственной целостности Российской Федерации. В этом же ключе строит свою работу и Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетии, которое проводит большую работу по профилактике и противодействию идеологии экстремизма и терроризма среди местного населения.

В рамках реализации подпрограммы «Профилактика терроризма и экстремизма» ежегодно ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом в республике проходят памятные мероприятия, посвященные указанной дате.

Нужно отметить, что в Ингушетии проживают представители 71 национальности, относящиеся к разным конфессиям. Число боевиков и террористов пополняют не только этнические ингуши, являющиеся титульной нацией в Ингушетии, но и жители региона других национальностей, попадающие в зону интересов вербовщиков. Для минимизации их деятельности разработана подпрограмма «Духовно-нравственное воспитание населения» государственной программы Республики Ингушетии «Укрепление межнациональных отношений и развитие национальной политики». Для ее успешной реализации заключены государственные контракты на оказание услуг с местной религиозной организацией православного прихода храма Покровской Пресвятой Богородицы с.п. Орджоникидзевская Махачкалинской Епархии РПЦ (Московский патриархат), религиозной образовательной организацией высшего духовного образования «Исламский институт», РИО ДООУ ВПО Ингушский исламский университет имени Х.-Х. Барзиева. В рамках

этих проектов проводятся встречи с молодежью, читают лекции, направленные на гармонизацию общества.

В настоящее время в Ингушетии имеется 80 мечетей, из них 10 где собираются только салафиты. Отметим, что всех последователей этих новых учений можно отнести к категории радикальных мусульман. Салафизм — направление в суннитском исламе, объединяющее тех его последователей, которые в разные периоды истории выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и принципы веры ранней мусульманской общины, считая все позднейшие нововведения вероотступничеством. Их основное противоречие с региональными исламскими практиками состоит в том, что они отрицают возможность «посредничества» кого бы то ни было, в том числе и шейхов, между Аллахом и человеком. Итогом их деятельности стал раскол, произошедший в обществе на основе вероучения, разделивший общество на два лагеря. Здесь же отмечу, что это радикальное крыло значительно меньше, но его идеология из года в год дает ощутимые результаты. Часть общества выражает свое недовольство наличием такого количества мечетей, некоторые прихожане которых были отмечены как участники террористических группировок или как участники военных действий в Сирии. Тем не менее, руководство республики посчитало важным взять эту часть населения под свою опеку и контроль. Имамы всех мечетей независимо от внутриконфессиональной принадлежности регулярно получают заработную плату. В результате такого взаимодействия постепенно начался процесс симбиоза или синтеза между верующими. Это несколько снизило напряжение, возникшее между верующими. Однако, каковы будут результаты такого взаимодействия и по какому сценарию пойдет этот процесс, невозможно предсказать с полной уверенностью.

Бобохонов Р.С., к.и.н.,
ст.науч.сотр. Центра цивилизационных и
региональных исследований Института Африки РАН

Политизация салафизма и кризис суфизма в Тропической Африке

Основные черты салафизма в Тропической Африке таковы: создание отделенных от других мусульман общин; отказ от традиционных форм почитания старших и уважения марабутов; отказ от культа святых; обращение исключительно к Корану и Сунне Пророка в качестве источников веры; демонстративно выражаемое недоверие к любым (за исключением исламской) правовым системам; враждебное отношение к тарикатам, которые расцениваются «пуританами ислама» как новаторские и еретические секты, искажающие смысл и содержание веры. Все мировые религии, включая классический ислам, призывают к самосовершенствованию, к «работе над собой». Приверженцы салафизма априори «безгрешны», их основная задача – «исправить других». Там, где получают распространение подобные формы ислама, возникают собственные органы самоуправления, имущественные, семейные и уголовные проблемы решаются лидером местной мусульманской общины на основе норм шариата. Другим важнейшим принципом салафитской доктрины в Тропической Африке является джихад, который трактуется как усердие, старание, любая форма деятельности мусульман (индивидуальная или коллективная), направленная на следование человека по пути Аллаха. Джихад обязателен абсолютно для всех мусульман. Основная политическая цель при этом путем вооруженной борьбы построить исламское государство в странах этого региона. Главный враг в регионе не христиане, а представители суфизма, которые исповедуют, по мнению салафитов, неверный и неподлинный ислам. Традиционные мусульманские объединения – духовные ордены (тарикаты) – мирно сосуществуют с христианами и местными правителями, не хотят бороться за исламское государство. Поэтому салафиты для реализации своего глобального проекта – создания Всемирного халифата – выдвигают главную

задачу: вытеснить и уничтожить суфийский ислам в регионе. Политические установки и программы салафитских группировок отличаются тем, что в их учении, которое они расценивают как единственно правильную трактовку ислама, присутствуют два неперенных системообразующих, присущих салафизму положения: о такфире (обвинение в неверии – куфр – всех мусульман, кто не согласен с салафитами) и о джихаде, который преподносится как вооруженная борьба против неверных (кяфиров), вменяемая в обязанность каждому мусульманину. Необходимо при этом иметь в виду, что данные термины являются не просто оценочными характеристиками, а шариатско-правовыми категориями. Их использование по отношению к тому или иному мусульманину или группе мусульман предполагает обязательность применения конкретных санкций. Под эти санкции, конечно, попадают представители традиционного ислама – суфизма.

Теперь немного об особенностях суфийского ислама в Тропической Африке, которые сильно раздражают салафитов. Суфийские тарикаты, как правило, лояльно относятся ко многим запретам в исламской религии. Например, практически во всей Тропической Африке не соблюдаются запреты на изображение живых существ. Скульптурные изображения людей и животных и другая мелкая пластика являются неотъемлемым атрибутом подавляющего большинства африканских народов и основным видом туристических сувениров. А церемонии с использованием масок предков, духов и демонов проходят даже в мечетях. В мусульманских африканских семьях девочкам разрешают играть в куклы, довольно реалистично изображающие людей. Также часто нарушаются пищевые запреты. Например, среди мусульман народа темне в Сьерра-Леоне свинья почитается как тотемное животное. Там, где в доисламский период были распространены собаки, их продолжают выращивать и в настоящее время. Не считается из ряда вон выходящим употребление во время поста еды, напитков, табака, алкоголя и наркотических веществ. Сами африканские мусульмане часто говорят об «исламизации» без «арабизации».

Для африканцев, сильно тяготеющих к традиционным культам и обрядам, влияние и деятельность марабутов компенсируют безликость монотеистического божества. Они считаются своего рода посредниками между богом и человеком, на них смотрят, как на людей, наделенных барака. В Африке существует убеждение, что она может передаваться при непосредственном контакте. По этой причине могилы особенно известных при жизни марабутов, а также руководителей тарикатов, которым приписываются такие же качества, становятся местом паломничества, а предметы, которыми они пользовались, приобретают ценность реликвий. Власть в тарикатах, которые были основаны марабутами, наделенными баракой, передается по наследству. Марабуты одновременно являются колдунами, ясновидящими, целителями. Значительная часть их религиозной активности посвящена созданию амулетов и талисманов, которые становятся непременными атрибутами подавляющего большинства верующих. Эти и другие черты суфийского ислама в Тропической Африке, конечно, сильно раздражают салафитов и согласно такфиру дают им основание объявлять их неверными. Салафитский джихад – это и есть борьба против неверных.

Как мы видим, цивилизационные вызовы салафизма в Тропической Африке направлены, прежде всего, против тарикатов и способствуют кризису суфизма в регионе в целом.

Опыт дерадикализации исламистов в Великобритании

В начале нулевых годов правительство Великобритании начало разработку и внедрение программ дерадикализации, нацеленных на выявление радикально настроенных граждан, а также тех, кто еще не заразился радикальными идеями, но находится в зоне риска. Среди наиболее крупных и заметных стоит назвать зонтичную программу «Prevent» и связанную с ней «Channel», которые направлены на выявление граждан в зоне риска радикализации², но не совершивших правонарушения, а также более поздние дополнительные программы, такие как «*Desistance and Disengagement Programme*» (DDP) и «*Healthy Identity Intervention*» (HII)³, разработанные для тех, кто находится в тюрьме или уже освобожден условно-досрочно. В большинстве программ дерадикализации особая роль отводится психологическим тренингам и диалогу с религиозными лидерами⁴.

По мере реализации программ дерадикализации постепенно накапливалась критика в их адрес. Осознание необходимости кардинального пересмотра проектов пришло после резонансных терактов, совершенных выпускниками программ. В ноябре 2019 г. Усман Хан, ранее сидевший в тюрьме, но освобожденный условно-досрочно после «успешного» прохождения программ дерадикализации HII и DPP⁵, зарезал двух студентов Кембриджского

2 *James J.* Preventing Nothing: 95% of UK's Extremists Deradicalisation Programmes Fail. 07.06.2018. URL: <https://www.politicalite.com/terror/preventing-nothing-95-uks-extremist-deradicalisation-programmes-fail/> (accessed 07.09.2022).

3 *Weeks D.* Lessons Learnt from UK Effort to Deradicalize Terror Offenders. Combating Terrorism Centre CTC. March 2021, Volume 14, Issue 3. URL: <https://ctc.westpoint.edu/lessons-learned-from-u-k-efforts-to-deradicalize-terror-offenders> (accessed 07.09.2022).

4 *Striegler J.-L.* The Deradicalisation of Terrorists. *Salus Journal*. Issue 1, №1, 2013. P.27. URL: https://salusjournal.com/wp-content/uploads/2014/05/Salus_Journal_Issue_1_Number_1_2013.pdf (accessed 07.09.2022).

5 *Morton J.* Can Jihadists be deradicalized? / The New Syria? Critical Perspective on the Deradicalization and Reintegration of Islamist offenders. CIVITAS. 2020. P. 12. URL: <https://civitas.org.uk/publications/the-new-syria/> (accessed 05.09.2022).

университета на Лондонском мосту. 2 февраля 2020 г. освобожденный условно-досрочно экстремист Судеш Амман заколол ножом прохожего в южной части Лондона⁶.

При разработке программ дерадикализации в России можно учесть примеры негативного опыта Великобритании.

Во-первых, необходимо исключить ситуации, когда программы дерадикализации способствуют стигматизации мусульманской молодежи. Если школьных учителей фактически принуждают к выявлению потенциальных радикальных исламистов среди учеников и ожидают конкретных показателей, то это приводит лишь к формированию атмосферы полной напряженности и недоверия.

Во-вторых, успешная дерадикализация возможна только при привлечении и, если необходимо, подготовке специалистов высокого уровня, прекрасно знающих исламскую идеологию. Лишь такие люди способны убедить подопечного программы дерадикализации в том, что он неверно трактует исламское учение. В процессе убеждения необходимо грамотно использовать основные источники исламского права (Коран, Сунну, а также фетвы). Иначе участники программ дерадикализации могут притвориться, что поменяли взгляды, но лишь затем, чтобы выйти на свободу и совершить еще один теракт.

В-третьих, программы дерадикализации должны опираться не на поверхностные непроработанные гипотезы, согласно которым радикальный ислам – это зло, не имеющее рационального обоснования, а на фундаментальные исследования, раскрывающие причину радикальных настроений. К таким исследованиям необходимо привлекать психологов, социологов, культурологов, религиоведов, специалистов-международников, религиозных деятелей.

⁶Webb E. Introduction: The need for critical perspectives on the deradicalisation and reintegration of extremist offenders / The New Syria? Critical Perspective on the Deradicalization and Reintegration of Islamist offenders. CIVITAS. 2020. P. 4. URL: <https://civitas.org.uk/publications/the-new-syria/> (accessed 05.09.2022).

Карпачева О.В.

к.и.н., науч.сотр.

Центра цивилизационных и региональных
исследований Института Африки РАН

Опыт дерадикализации в Египте и Марокко

После государственного переворота в Египте в 2013 г., государство стало более авторитарным, чем во время правления Х. Мубарака. С политической арены страны пропала значимая оппозиция, выражения несогласия с политикой режима влекут уголовную ответственность и тюремное заключение, а силы безопасности перестали контролироваться какими либо внешними органами.

В то время как ряд других стран арабских стран, используя опыт мирового сообщества, разработали свои собственные национальные планы по противодействию распространения насильственного эстремизма, власти Египта опираются на:

- ↯ репрессивные контртеррористические меры и усиление армии и полиции;
- ↯ широкое антитеррористическое законодательство;
- ↯ передачу контроля над религиозными дискурсами в стране исламским религиозным авторитетам, подконтрольным правительству.

Современная официальная стратегия Египта по дерадикализации заключается в крупномасштабных военных операциях против ИГИЛ на Северном Синае подавлении силами безопасности «Братьев-мусульман». Всё это достаточно сильно отличается от стратегий конца 1990-х гг., когда совместно с лидерами «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Аль-джихад» власти активно способствовали процессу массовой дерадикализации членов организации. И если вопрос о том, кто первым запустил дерадикализационные процессы остается открытым, то роль государства в успешности этого процесса остается бесспорной. Основное внимание власти сосредоточили на поддержке заключенных участников этих группировок, а также членов их семей. Были

приостановлены казни по приговорам военных судов, пытки, отменено одиночное заключение и в целом градус жестокости обращения с заключенными со стороны тюремщиков был понижен. Все, кто не представлял значительной угрозы, были освобождены. Помимо этого заключенным предлагали участие в образовательных курсах, разрешали доступ к газетам и телевидению. Важнейшей частью государственной информационной работы в тюрьмах было сотрудничество с лидерами и руководителями «Аль-Гамаа аль-исламия» и «Аль-Джихад».

Однако, несмотря на успешный опыт в прошлом, в настоящее время правительство Египта снова сосредоточено на репрессивных мерах. Стратегии дерадикализации и программы противодействия экстремизму рассматриваются в Египте как вопросы национальной безопасности, в сферу которых гражданское общество традиционно не допускается. Подход государственных органов к политике противодействия насильственному экстремизму и программам дерадикализации связан в основном с вопросами безопасности и носит военный характер.

В этой связи представляется интересным рассмотреть опыт Марокко, правительством которого после терактов в 2003 г. была разработана государственная стратегия дерадикализации и противодействия терроризму. В отличие от египетского подхода, важная роль во внутренней политике государства была отведена решению политических, экономических, социальных и религиозных проблем общества. Стратегический курс по дерадикализации населения сочетал в себе вопросы улучшения социально-экономических условий в стране, определенные религиозные реформы, пропаганду умеренного ислама и ещё ряд антитеррористических мероприятий. Финансовые и материально-технические возможности в стране были достаточно ограничены, однако политика дерадикализации достигла своей цели – с апреля 2011 г. в Марокко не было террористических атак. Именно поэтому эксперты по борьбе с терроризмом часто выделяют Марокко как государство, применившее успешный подход к борьбе с терроризмом.

Многомерная стратегия этого государства включает превентивные, проактивные и ответные меры в борьбе с экстремизмом. Три наиболее важных компонента политики государства в области дерадикализации и предотвращения распространения экстремизма включают в себя:

- 1) Традиционные силовые методы, вплоть до ликвидации террористических ячеек.
- 2) Религиозные реформы, способствующие дерадикализации общества.
- 3) Реабилитация осужденных и их реинтеграция в общество.

Основные составляющие программы можно охарактеризовать так – разоружение, дерадикализация (и демобилизация) и реинтеграции.

Правительство Мухаммеда VI смогло учесть мировые тенденции развития и осложняющие факторы в виде Исламского государства. Марокко по-прежнему расценивается экспертами как самое устойчивое государство, планомерно продвигающее социальные реформы и, тем самым, противостоящее развитию экстремистских настроений.

Сравнительный анализ египетского и марокканского подходов к предотвращению радикализации политически активного населения показывает, что при достаточно ограниченном бюджете и целенаправленной непрерывной внутренней политики можно добиться устойчивых результатов, что и произошло в Марокко. Однако главенство армии на политической арене Египта, и как следствие, превалирование силовых методик решения проблем над социально-экономическими и психологическими не дает Египту выйти из замкнутого круга радикализации общества.

Кашина А.А.

к.полит.н., доц. каф. восточных языков
Дипломатической академии
Министерства иностранных дел России

Тунисский подход к проблеме дерадикализации исламистов

К террористической деятельности на территории Сирии, Ирака и Ливии с 2011 г., по самым скромным оценкам, присоединилось более 7 тыс. граждан из стран Северной Африки. Иными словами, эти страны смогли «экспортировать» в «горячие точки» большее количество боевиков, чем все государства Евросоюза вместе взятые. Причем Тунис остается мировым «лидером» по «экспорту» боевиков в расчете на душу населения: на конец 2015 г., если верить национальной статистике, радикальные тунисские исламисты, присоединившиеся к террористическим структурам в Сирии и Ираке, составляли около 3 тыс. человек, а еще 27 тыс. не смогли выехать из-за ужесточения контроля на границе. Предполагается, что в Ливию перебралось около 1,5 тыс. боевиков тунисской национальности. Пик миграции джихадистов пришелся на 2012–2013 гг. С 2014 г. актуальность и широкий общественный резонанс приобрела тема возвращения исламистов с боевым опытом на родину.

Поскольку возвращение боевиков само по себе, за неимением свидетельств и улик, не могло служить доказательством их причастности к террористической деятельности, для возможности их привлечения к ответственности потребовался пересмотр законодательной базы. Принятый в июле 2015 г. Закон о борьбе с терроризмом (взамен прежнего от 2003 г.) представлял широкую трактовку понятия «терроризм» и наделял правоохранительные органы дополнительными полномочиями для противодействия ему.

Несмотря на официальное признание права любого гражданина на возвращение (репатриацию) законным, общественность воспринимала это болезненно: боевики могли представлять угрозу безопасности, продолжать

планировать или исполнять теракты по приказу своих бывших командиров, распространять экстремистские убеждения и проводить вербовку. В итоге этот вопрос рассматривался в общем контексте борьбы с терроризмом, т. е. к боевикам применялись те же практики, что и к террористам, не покидавшим территорию своей страны и не проходившим тренировочные лагеря для джихадистов.

В отличие от Египта и Марокко в Тунисе система наказания боевиков отличается высокой степенью непредсказуемости: лишь 35 % боевиков-ветеранов из общего количества 800–1000 человек были приговорены к лишению свободы, большинство не попало в поле зрения правоохранительных органов, но зафиксированы и случаи применения в отношении радикальных исламистов смертной казни¹. При этом на процесс реабилитации самих боевиков и тем более их семей в государственном бюджете средств недостаточно, и основным каналом взаимодействия и социальной реинтеграции для заключенных по обвинению в терроризме остается традиционно большая арабская семья.

¹*Emna Ben Arab et al.* Assessing the Threat Posed by Tunisian Foreign Fighters. Tunis: Tunisian Institute for Strategic Studies, 2018.

Кирчанов М.В.

д.и.н., доц. каф. регионоведения и экономики зарубежных стран
факультета международных отношений,
доц. каф. истории зарубежных стран и
востоковедения исторического факультета
Воронежского государственного университета

Дерадикализация ислама в современной Индонезии

Дерадикализация ислама в Индонезии связана с активностью правительства, специальных служб, силовых структур, системой мусульманского образования, деятельностью крупнейших общественных организаций мусульман, к которым относятся «Мухаммадия» и «Нахдлатул улама». Элиты активно в рамках дерадикализации используют и историческую политику, что существенно отличает индонезийские формы дерадикализации ислама от аналогичной активности элит в других мусульманских странах.

Дерадикализация предусматривает прямое вмешательство государства, представленного полицией и специальными службами, во внутренние дела уммы, если возникает угроза ее радикализации или роста политического участия мусульман к контексте, который является нежелательным или неприемлемым для политических элит.

Вклад в дерадикализацию вносят крупнейшие мусульманские общественные и религиозно-просветительские организации. Для последних борьба с радикализмом в умме входит в число системных задач, так как поддержание мусульманского сообщества в состоянии внутреннего компромисса и консенсуса с политическими элитами непосредственно отвечает интересам руководства мусульманских организаций. Появление альтернативных центров силы, которые могут создать свои формальные организации, сопоставимые по влиянию на верующих с уже существующими умеренными движениями, на уровне лидеров уммы воспринимается как угроза, которой следует противостоять.

Активными участниками процессов дерадикализации в современной

Индонезии оказались исламские университеты и светские учебные заведения. Если первые заинтересованы в недопущении роста радикальных идей, так как усиление несет угрозу сложившейся модели среднего и высшего образования мусульман, то вторые видят в активизации радикального ислама системную и экзистенциальную угрозу сложившейся фактически секулярной модели индонезийского общества, для значительной части которого западный интеллектуальный и культурный дискурс является идеальной моделью. Индонезийские светские и мусульманские интеллектуалы в рамках стратегий, используемых для дерадикализации ислама, актуализируют набор методов, который не совсем обычен для подобных практик в других странах, где доминирующей религией является ислам.

Компонентом дерадикализации стала политика памяти. В рамках исторической политики, проводимой светскими интеллектуалами и представителями уммы, формируется не только компромиссный мемориальный канон, содействующий консолидации общества, но и последовательно делегитимируются радикальные идеи, которые вытесняются на периферию культуры коллективной памяти. На современном этапе роль политики памяти в дерадикализации ислама изучена в наименьшей степени, хотя ее потенциал представляется не менее важным, чем другие традиционные меры административного и политического воздействия элит на умму.

Современная Индонезия смогла предложить относительно эффективный и действенный механизм дерадикализации ислама и профилактики радикальных и экстремистских трендов и тенденций в рамках функционирования уммы. Опыт Индонезии может быть признан относительно успешным, хотя не все формы и возможности дерадикализации применяются равномерно. Фрагментированность мусульманского сообщества, продолжающаяся политика борьбы с религиозным экстремизмом в комплексе с активно практикуемой элитами «проработкой прошлого» указывают на важность и актуальность дальнейшего изучения индонезийского ислама в контекстах как роста радикальных тенденций, так и возможных траекторий

реализации мер, направленных на дерадикализацию сообщества верующих.

Курбанова Л.У.
д.социол.н., профессор
Чеченского государственного
университета имени
А.А. Кадырова.
Грозный.

Практики дерадикализации и профилактической работы с молодежью. Опыт Чеченской республики

Радикализация представляет собой сложную проблему в современном обществе. Глобализация, мобильность и быстрое распространение образования изменили мир. В фокусе внимания часто находятся традиционные общества, которые переживают процесс ломки своих общественных структур. Встраивание этих обществ в глобальный мир сопровождается внутренними противоречиями, характеризующимися «вилками процесса»: с одной стороны, нежеланием менять привычные стандарты жизни, с другой – осознанием объективной необходимости входить в общее пространство меняющейся глобальной реальности.

Непосредственная среда обитания каждого человека в традиционных обществах и связанные с ней нормы и традиции создавали обязательные и надежные рамки для образа жизни. Наступление глобальной современности, транслируемое через Интернет, миграции, сложности и противоречия адаптации мигрантов из традиционных обществ, стали дополнительным ресурсом, способствующим формированию радикальных настроений. Перемещение огромных пластов населения из традиционных обществ в страны Запада вычленил эти проблемы, на что указывают исследователи радикализма в Европе.

Как часть проблемы – возникают конфликты не только между культурными сообществами, но и внутри семьи, между поколениями в самих локальных обществах. Молодые люди ставят под сомнение убеждения своих родителей, учителей и других авторитетов. Перечисленные факторы - только

часть огромного пласта проблем.

Обобщение анализа названных процессов, выработка адекватных методических практик экспертов России и Запада по превенции радикализма в молодежной среде - решить эту непростую задачу призван «Сборник практических методик», который готовится к печати и выйдет в свет уже в текущем году. Что он из себя представляет?

Сборник методического инструментария по дерадикализации молодежи, подготовленный экспертным сообществом Франции, Германии и России – это результат совместной работы по созданию практических методик, направленных на предотвращение (превенцию) радикализма в молодежных сообществах Северного Кавказа. В нем представлены итоги проекта, основной задачей которого являлся трехсторонний обмен опытом в деле предотвращения радикализма, связанного с феноменом исламизма.

В сборнике представлен актуальный набор («чемодан инструментов») методических материалов для специалистов-практиков в области первичной превенции радикализации в молодежной среде. Это методический инструментарий восполнит нехватку учебных и методических пособий по проблемам религиозного экстремизма, терроризма, способов и методов их профилактики, учитывающих особенности локальных сообществ.

Каждая из представленных методик – это продукт многолетней работы авторов из Франции, Германии и России, включавшей в себя теоретическую проработку и практическую апробацию в молодежных аудиториях. Разработанные в разных контекстах, эти методики, тем не менее, могут использоваться там, где это представляется релевантным социальным работникам и педагогам в других странах и регионах.

Основной фокус нашего внимания, однако, сосредоточен на северокавказском регионе, который продолжает оставаться одним из самых социально напряженных регионов России. Здесь проблема радикальных экстремистских настроений молодежи требует деликатной превенции со стороны экспертного сообщества в силу сложности и многослойности

нерешенных экономических, социальных, культурных, этнических и религиозных/конфессиональных проблем. Мы очень надеемся, что настоящий сборник будет способствовать решению проблемы радикальных экстремистских настроений в молодежной среде не только на Северном Кавказе, в частности, в Чеченской республике, но и в других российских и зарубежных регионах. Наш «методический чемодан» представляет собой набор практических инструментов, призванных помочь всем заинтересованным работникам государственных и общественных институтов, социальных служб, учителям школ и преподавателям вузов, психологам и всем, кто работает с превенцией радикализма молодежи в сети Интернет.

Следование принципам этики суфийского ислама как один из путей дерадикализации в Африке

Суфизм является одной из самых популярных и представительных форм исламской культуры и одновременно широким духовным и философским течением исламской мысли. Суфизм возник примерно в VIII веке, но как зрелое учение, представленное в настоящее время, связан с философией Ибн-Араби (XIII в.). В Африку южнее Сахары, в ее различные области, ислам проникал в форме суфизма в период от X до XIX вв.

Сегодня Африка столкнулась с жесткой и беспощадной угрозой – радикальным исламизмом, использующим терроризм. Причины этого явления изучены и многократно проанализированы, но исходным фактором всегда является конкретно проявляющееся неблагополучие общества, вызванное различными причинами и условиями конкретного места и времени.

В Африке бедность, нищета связаны с неграмотностью, бесправием. Все это ведет к падению нравов, забываются традиционные нормы, рождается озлобление и чувство безнадежности. В таких условиях человек готов воспринимать различные лозунги и призывы, если они сулят хоть какую-то надежду.

Радикальный исламизм базируется на фундаментализме, нетерпимом к инновациям. Поэтому в Африке главным врагом исламисты считают суфизм – инновационную форму философии ислама. Али Мазруи (1939-2014), африканский ученый, имеющий международное признание, писал о раннем исламе, который руководствовался словами Корана о высокой роли знания и моральной ответственности за него. В позднем исламе вместо стремления учиться всему лучшему стала развиваться тенденция подражания. «Тяжелая рука культурного обскурантизма тормозит развитие», – говорил А.Мазруи.

Суфизм не имеет программы дерадикализации. Но его этическое учение по своей сути противостоит радикальному исламу.

Этика суфийского ислама основана на Коране и Сунне, а также на трудах исламских ученых. Предметом этики является человек, и, прежде всего, его «правильное поведение». Главным принципом этики является связь, двуединство намерения и действия, скрытого и явного, внутреннего и внешнего. Действие видно, а намерение скрыто, являясь вопросом совести человека, самоконтроля его души, ибо о его намерении знает только человек и Бог.

Идея двуединства действует и в принципе совершенства человека. Так как ислам отрицает первородный грех человека, его совершенство складывается в сочетании и развитии духовного и материального начал, их гармонии. Это тоже связь скрытого и явного, внутреннего и внешнего. И здесь состояние души человека, скрытое от других, является делом совести человека, что проявляется во всех его поступках. Поэтому суфии придают огромное значение самосовершенствованию человека в формах, зависящих от условий места и времени.

Актуальным в наши дни является принцип развития и совершенствования связей людей. Важен не отдельный человек, а человек в связи с другими. Суфийская этика призывает множить эти связи, ибо в них проявляются лучшие стороны человека: скромность, отзывчивость, желание помочь другому. Суфийская этика настаивает на следующих правилах: если два человека равны, то один из них должен исходить из того, что его партнер (собеседник) лучше него, и поставить его выше себя. Если же партнер испытывает трудности, надо помочь ему. В любом случае в общении необходимо всегда сделать шаг навстречу партнеру.

Принцип организации широких связей с целью помощи продемонстрирован в начале XX в. в Сенегале сыном марабута из ордена Кадирийя, будущим основателем ордена Мюридийя Амаду Мбамба (1850-1927). В этот период французские колонизаторы беззастенчиво грабили крестьян, лишали их земли, гнали на принудительные работы. Амаду Мбамба призвал

группу беднейших крестьян объединиться для духовного и физического совершенствования – изучения Корана и интенсивной работы на плантации арахиса в городе Туба. Община добилась успеха, в нее вливались новые члены, и вскоре город Туба добился материального процветания. Амаду Мбамба помогал многим беднякам, организовывая их и оказывал поддержку. Он стал духовным лидером Сенегала, своей деятельностью противостоял колониальному произволу и внушал людям надежду. Такая программа суфиев Сенегала может служить примером для организации помощи тем обездоленным беднякам, которые, не находя помощи у государства, часто вынуждены присоединяться к радикальным группировкам. Примером являются действия огромного количества бедняков, особенно женщин с голодными детьми из северных штатов Нигерии, которые обращаются в лагеря группировки Боко Харам, где получают материальную поддержку, а в обмен боевики используют этих женщин и даже детей как шахидов в террористических актах.

Нефляшева Н.А.

к.и.н., доц., ст. науч. сотр.

Центра цивилизационных и региональных
исследований Института Африки РАН

Дерадикализация исламистов: историографический аспект

Сегодня во многих странах мира – на Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии, в Африке - реализуются программы дерадикализации исламистов. В Европе после начала сирийского конфликта в 2011 г. были оценены риски, связанные с возвращением иностранных боевиков, что стимулировало разработку и финансирование программ, направленных как на профилактику радикализации молодежи, так и на дерадикализацию.

Целесообразность применения в борьбе с экстремизмом и терроризмом не только жестких силовых, но и т. н. «мягких мер», разрушающих в том числе и социальную стигматизацию бывших экстремистов, заняла свое место в практической повестке, была признана и специалистами в силовых структурах, и экспертным сообществом. Растет и академический интерес к теории, программам и конкретным практикам дерадикализации, что выражается в росте публикаций самого разного характера – от монографий, аналитических отчетов и статей до материалов конференций и обзоров литературы в специализированных журналах. Все эти публикации сами по себе могут стать предметом исследования для отдельной историографической работы.

Со второй половины 2010-х гг. наблюдается актуализация проблематики дерадикализации исламистов в России: налицо тенденция осмысления концептуальных основ дерадикализации исламистских групп, применяющих в своей практике насилие; стали подвергаться анализу внешние и индивидуальные факторы радикализации мусульман; были намечены междисциплинарные подходы к решению проблемы. Программы дерадикализации исламистов в различных странах мира отличаются по своим масштабам, длительности, уровню финансирования – некоторые имеют долговременный характер и финансируются государством (например, в

Саудовской Аравии), некоторые рассчитаны на несколько месяцев, часть инициируется НКО и длится непродолжительные сроки. Наиболее развитые программы действуют в Саудовской Аравии, Сингапуре, Малайзии, Индонезии и Шри-Ланке, менее известны программы в Ираке, Филиппинах, в Бангладеше, Пакистане, в то время как программы в Египте, Йемене и Ливии были прекращены.

Все программы дерадикализации исламистов, независимо от страны происхождения и историко-культурного контекста, имеют схожие структуры и направлены на работу как с мусульманской молодежью из групп риска, так и с осужденными исламистами-экстремистами. Программы состоят из нескольких взаимосвязанных блоков и нацелены на изменение убеждений и ценностей их участников, их психологическую и социальную реабилитацию, религиозное и профессиональное образование и в идеале должны завершиться интеграцией участника программы в общество.

Дискурс дерадикализации и терминология, связанная с ним, пришли из западной академической литературы и описываются двумя ключевыми терминами – «*deradicalization*» и «*disengagement*». С 2010-х гг., когда исследования программ дерадикализации исламистов стали стремительно нарастать, оба понятия – и дерадикализация, и разъединение – начали широко обсуждаться, их концептуальная проработка, взаимодействие друг с другом вызывала и продолжают вызывать споры в академической литературе⁷. Под первым понимается отказ от применения насилия, но сохранение своей идеологии, взглядов, ценностей (Дж. Хоган). Дерадикализация предполагает, что в результате программ дерадикализации их участник не только изменит свое поведение и откажется от применения насилия, но и воспримет новую

⁷*Bjorgo T. Processes of disengagement from violent groups of the extreme right. In T. Bjorgo and J. Horgan (Eds.) Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement. London: Routledge, 2009. Pp. 30-48; Feddes A. R. Socio-psychological factors involved in measures of disengagement and deradicalization and evaluation challenges in Western Europe. 2015. Retrieved from <http://www.mei.edu/sites/default/files/Feddes.pdf> (accessed 29.01.2022); Ferguson N. Disarmament, demobilization, reinsertion and reintegration: The Northern Ireland experience. In N. Ferguson, (Ed.), *Post Conflict Reconstruction*. Newcastle: CSP. 2010. Pp. 151-164.*

систему ценностей и установок, в которой насилие для достижения политических целей будет неприемлемым (О. Ашур). Большая роль в программах дерадикализации, как отмечается в литературе, должна отводиться исламским ученым, алимам, религиозным авторитетам. В ходе открытых дискуссий они на основании шариата способны доказать участнику программы неприемлемость применения насилия. Следует принимать во внимание, что программы редко оказывают влияние на замотивированных экстремистов, занимающих высокое положение в иерархии экстремистской группы.

Финансовые аспекты дерадикализации исламистов

Целенаправленная рационализация исламского финансового права, его эффективное адаптивное реагирование на условия функционирования мировых финансовых рынков обусловили определенный отход от ряда господствующих норм и обычаев шариата и создали возможность для использования исламскими финансовыми и банковскими организациями в их операционной и инвестиционной деятельности некоторых ключевых положений англосаксонского прецедентного права, в частности для беспрепятственного привлечения ими дополнительных внешних заёмных ресурсов.

Существенно, что эволюционная трансформация исламского финансового права в свою очередь обусловила дальнейшее усиление особой роли исламских микрофинансовых организаций, фондов и банков микрофинансирования в качестве реального ключевого инструмента целенаправленной дерадикализации исламистских сообществ во многих мусульманских странах, возвращения боевиков, перемещённых лиц и беженцев к постоянной трудовой профессиональной занятости и нормальной мирной жизни в местах их прежнего проживания.

Приоритетный лозунг – по сути фундаментальное положение целевых программ дерадикализации, осуществляемых на сегодняшний день исламскими микрофинансовыми организациями, фондами и банками микрофинансирования: «если боевики и исламисты будут иметь достойную альтернативу, у них будет квалифицированная профессиональная занятость, то они не станут дальше сражаться и расширять кровавые боестолкновения как в своей стране, так и за рубежом».

Закономерно, что ныне важнейшими по своей сути в текущей деятельности исламских микрофинансовых организаций стали следующие

целевые ссудные и инвестиционные программы:

- программы «Разоружение, демобилизация и реинтеграция», нацеленная на финансовое обеспечение постоянной трудовой занятости исламистов и боевиков, представления им работы по их специальности на базе официальных трудовых договоров;

- целевое финансирование, в том числе адресное, обучения востребованным рабочим профессиям, подготовки техников и аграриев, включая выделение специальных средств на профессиональную подготовку молодых юношей 15–18 лет, которые никогда не обучались в школе, не смогли получить профессиональное образование, не имеют требуемой квалификации и необходимых навыков, они не в состоянии работать по какой-либо конкретной профессии;

- комплексные программы обучения, переобучения и повышения квалификации для молодых мужчин в возрасте от 17 до 35 лет, в том числе нелояльных государственным структурам и действующему в их стране политическому режиму;

- целевое инвестиционное финансирование мелких и средних частных национальных предпринимателей, включая самозанятых, в том числе в долларах США;

- финансовая поддержка и стимулирование возвращения боевиков низкой степени риска, перемещённых лиц, беженцев из соседних стран к местам их прежнего постоянного проживания в провинциальных сообществах и поселениях;

- целевые программы финансирования обучения и обеспечения регулярной занятости бывших женщин-боевиков;

- другие специальные проекты и программы дерадикализации исламистских сообществ.

Крайне негативными факторами, всё более препятствующими дерадикализации исламистских сообществ в современном мире, ныне являются:

- резкий рост безработицы непосредственно среди молодежи в возрасте

от 15 до 20 лет, он стал реальной угрозой миру и политической стабильности в мусульманских регионах современного мира;

- экономика мусульманских стран слабо растет, она не в состоянии обеспечить создание и значительный прирост новых рабочих мест, чтобы добиться повышения занятости трудоспособного населения в национальной экономике;

- дальнейшее падение темпов притока официальной внешней помощи развитию мусульманских стран;

- многие участники и прежние бенефициары официальных государственных социальных и благотворительных программ по дерадикализации боевиков и исламистских сообществ на деле зачастую все больше «реинтегрируются в глубочайшую нищету» как в своих странах, так и на чужбине и не могут реинтегрироваться в мирную жизнь;

- глубокое (и в тенденции – усиливающееся) социальное расслоение населения мусульманских стран объективно препятствует эффективной реализации предпринимаемых в них мер по целенаправленной дерадикализации исламистских сообществ.

Павлова О.С.

к.пед.н., доц., зав. кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ, ст. науч. сотр. Федерального координационного ресурсного центра по психологической и социокультурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, Москва

Социально-психологические механизмы дерадикализации

Проблемы дерадикализации носят комплексный, междисциплинарный характер и требуют привлечения к их разрешению разнообразных специалистов: юристов, политологов, историков, специалистов в сфере общественной безопасности, религиоведов и, конечно же, психологов.

В настоящее время наиболее известной социально-психологической моделью, объясняющей радикализацию, является модель Д. Веббера и А. Круглански. Трехмерная модель радикализации Д. Веббера и А. Круглански¹ рассматривает три составляющих, которые последовательно приводят человека к вхождению в радикальные группы: 1) потребности (needs) – индивидуальные потребности/ мотивации, 2) идеологии (narratives) – идеологические нарративы культуры, в которую встроен индивид, и 3) сеть (network) – социальная сеть индивида.

Индивидуальные потребности – это широкий круг индивидуальных мотивов, за которыми стоит базовая мотивация – поиск значимости. Идеологии, определяющие, каким путем будет двигаться человек, мотивируемый на восстановление значимости², являются второй составляющей трехмерной модели. Групповая идеология обозначает, какие способы обретения значимости являются социально одобряемыми. Так, в одной среде обрести значимость можно через получение образования, а в другой – через радикальные поступки

¹Webber D. et al. The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. Vol. 114. No. 2. P. 270–285.

²Webber D. et al. Ideologies that justify political violence // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2020. Vol. 34. No. February. P. 107–111.

и экстремистскую деятельность.

Необходимыми элементами идеологий, одобряющих воинствующий экстремизм, являются: а) четкое обозначение происходящего с группой как несправедливости, б) идентификация виновников, за это ответственных (реальных или так называемых «козлов отпущения»), и в) оправдание насилия как подходящего ответа виновнику за несправедливые обиды³. Соответствующая идеология «должна одобрять насилие и причинение вреда другим людям – вещи, которые обычно воспринимаются как аморальные и снижающие значимость, – и превращать их в законные действия»⁴. Именно поэтому во многих исследованиях радикализация измеряется не напрямую, как поддержка той или иной террористической организации, а как одобрение, оправдание межгруппового насилия, которое лежит в основе экстремистского мышления⁵.

Групповое насилие возможно при поддержке и одобрении группы. Поэтому третьей составляющей радикализации является социальная сеть индивида. При этом отчуждение от широкого социума дает хорошую возможность для вербовки в мини-группу экстремистской направленности⁶.

Деятельность в области профилактики экстремизма и дерадикализации в молодежной среде является ответом на одну из наиболее ярких и в то же время многомерных угроз современного мира. Адекватный ответ здесь возможен только с привлечением всех имеющихся ресурсов современной науки и практики.

³Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. The Three Pillars of Radicalization//The Three Pillars of Radicalization. 2019. DOI:10.1093/oso/9780190851125.001.0001

⁴Ozer S., Bertelsen P. Countering radicalization: An empirical examination from a life psychological perspective // Peace and Conflict Journal of Peace Psychology. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 211–225. P. 40.

⁵Stankov L. Saucier G., Knežević G. Militant Extremist Mind-Set: Proviolence, Vile World, and Divine Power // Psychological Assessment. 2010. Vol. 22. No. 1. P. 70–86.

⁶Bélanger J.J. et al. Radicalization leading to violence: A test of the 3N model // Frontiers in Psychiatry. 2019. Vol. 10. No. FEB. P. 1–12.

Патеев Р.Ф.

к.полит.н., директор Центра
исламоведческих исследований
Академии наук Республики Татарстан

Мировоззренческие аспекты фаталистического сознания: проблемы профилактической работы и дерадикализации исламистов

Общая социальная радикализация человека является первичной. Она происходит под влиянием ряда различных социально-психологических факторов, которые сходятся во времени и пространстве. Это деформирующее воздействие во взаимоотношениях со своими родителями, личные трагедии, дезадаптация в процессе миграции и т.д. После первичной радикализации начинается религиозная индоктринация с последующим приобщением к радикальным взглядам и практикам.

Поэтому радикальная исламистская идеология является «вторичной» по отношению к сформировавшемуся «мировоззрению». Как справедливо отмечается исследователями, именно такие элементы религиозного мировоззрения как нетерпимость, способствуют формированию фундаменталистских течений, нацеленных на прямое уничтожение представителей иных религий¹.

Радикальное мировоззрение является следствием реконструирования собственного образа судьбы, который делится на два периода: до начала религиозного активизма (личная джахилия – варварство, неверие) и после «принятия ислама» (начало религиозной практики.) Подобное неопитское мировоззрение связано с богословским толкованием принципов такдира – предопределения. В рамках фаталистических убеждений это снимает с верующего личную ответственность как за прежние поступки, так и за будущие (всё «предопределено Аллахом») и конструирует в его сознании фактически

¹ Николаев В.К., Николаев К.А.. Идеология и мировоззрение: общее и особенное // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 3. 2022. С.116.

«мессианское» мировоззрение².

Мировоззренческое переубеждение – это только первичный шаг в данном направлении. Это не просто «переформатирование» тех или иных взглядов (к примеру, на джихад, такфир и т. д.). Необходима более глубокая мировоззренческая трансформация личности. Зачастую приобщение к радикальной группе и деятельности воспринимается как божественное предопределение (такдир) и дополняется чувством собственной «избранности». Даже после осуждения, нахождение в местах заключения часто интерпретируется радикализированным лицом как испытание, т.е. «проведение», которое дано самим Аллахом.

Отношение к современному обществу, как к глубокопорочному и поэтому якобы «варварскому» (джахилия) становится причиной экстернизации (переноса объяснения на внешние объекты, факты, ситуации и т.д.)³. Зачастую лицами, придерживающимися подобных установок, все отрицательные моменты их жизни соотносятся исключительно с происками современного «порочного общества», которое якобы сугубо отрицательно настроено против истинных мусульман. Поэтому переформатирование экстернезированного мировоззрения с представлением о «вине внешних сил» на внутреннюю самокритику является важным фактором в дерадикализации. Одним из механизмов подобной работы могут быть глубинные интервьюирования, которые подталкивают личность к саморефлексии через осмысление собственной жизни (судьбы) и ответственности перед Аллахом.

2 Касимова А.В., Патеев Р.Ф. Радикальное религиозное сознание и среда его формирования: богословские и социально-психологические аспекты / Ислам и религиозный активизм в Республике Татарстан: Коллективная монография / Р.Ф. Патеев, Д.Р. Гильмутдинов, А.А. Закиров и др.; отв. ред. Т.Н. Липатова. Казань: Издательство АН РТ, 2021. С. 369-386.

3 В значительной степени на подобную трактовку концепции «джахилии» повлияли взгляды главного идеолога движения «Братья мусульмане». См.: Яшин И.Г. Дихотомия «исламский мир – запад» в учении Сейида Кутба (1906–1966) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Политология». 2008. № 1. С. 83–90.

Пономарев И.В.

к.и.н., ст.науч.сотр. Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН

Элита, контрэлита и западная ментальность: идеологические и прагматические аспекты «дерадикализации» исламистов на примере Кении и Мали

На примере Кении затронуты следующие аспекты:

1. Террористическо-повстанческая организация «Аль-Шабаб» сама разрушает свой имидж в Кении и Танзании из-за крайнего расизма, свойственного этническим сомалийцам в ее рядах.

2. В Кении из дискурса конфессиональных и политических элит о дерадикализации исламистов исключены контрэлиты.

3. На кенийском побережье уже почти 20 лет существует межконфессиональное движение сепаратизма, отвергаемое как элитами, так и контрэлитами.

В этой ситуации программы дерадикализации нередко выполняют функцию «выкачивания» денег из западных партнеров и «отвода глаз» от реальных насущных проблем исламской уммы.

С другой стороны, опыт Республики Мали показывает следующее:

1. Мифологизация «Аль-Каиды в странах исламского Магриба» вызвана внешними факторами, среди которых доминирует намеренное распространение дезинформации западными и алжирскими спецслужбами.

2. Повсеместно в странах зоны Сахары-Сахеля распространено неприятие американской «империи зла», как ее характеризуют сами сахельцы.

3. Предвзятая дезигнация со стороны Совета Безопасности ООН в качестве террористов граждан Мали осуществляется не столько в интересах этой страны, сколько в интересах США и Европы.

Дерадикализация исламистов не может осуществляться в ситуации прямого военного и косвенного экономического давления условного Запада на страны зоны Сахары-Сахеля (ЗСС), которое с каждым годом усиливает антизападные и антисекулярные настроения большей части его населения. Только уход коллективного Запада из стран ЗСС мог бы снизить радикальные настроения, но именно этого Запад никогда не сделает, так как его политики уверены в своем превосходстве и праве быть международными арбитрами.

Проблемы:

1. Программы дерадикализации разрабатываются в основном в рамках западной идеологии, имплицитно берущей европейскую модель секулярной демократии как образец гипотетически пригодный для всех обществ.

2. Массовое сознание, т. е. мировоззрение людей, не занимающихся специальными гуманитарными исследованиями, вводится в заблуждение риторикой секуляризма, в том числе о дерадикализации, его претензиями на научную обоснованность.

3. Западные политтехнологи используют оппозицию «секулярное – религиозное» для управления массовым сознанием, в то же время секуляризм заменил для многих на Западе конфессиональные убеждения, т. е. выполняет религиозную функцию.

Способы решения:

1. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. представители разных конфессий (ислама, православия, протестантизма, буддизма и др.), объединив свои усилия на нескольких международных конференциях, сыграли важную роль в борьбе с ядерной угрозой и подготовке общественного мнения к принятию тактики ограничения производства ядерных вооружений.

2. В современной ситуации секулярно-конфессионального (цивилизационного) противостояния ученые РФ и постсоветского пространства, возможно, могли бы сделать многое, если бы разъясняли мифы секуляризма в

отношении различных конфессий и даже культур и цивилизаций, тиражируемые западными политтехнологами.

3. Можно обоснованно предполагать, что эти действия позитивно повлияют на мироощущение конфессиональной молодежи. Они могли бы стать одним из эффективных средств дерадикализации, адаптированным для постсоветского пространства.

Раздыкова Г.М.
к.и.н., руководитель Центра анализа и развития
межконфессиональных отношений (Республика Казахстан)

**Казахстанский опыт репатриации и реабилитации эвакуированных из зон
террористической активности женщин по гуманитарной операции
«Жусан»**

Казахстанский опыт реабилитации граждан, вернувшихся с мест военных действий и конфликтов, был получен в рамках гуманитарной спецоперации «Жусан». Гуманитарная операция под кодовым названием «Жусан-1,-2,-3,-4,-5» проводилась в Республике Казахстан (РК) с января по июнь 2019 г. По результатам всех этапов данной операции из Сирии были репатрированы 607 граждан Казахстана (37 мужчин, 157 женщин, 413 детей (включая 32 сироты)).

Дополнительно из Ирака, Сирии, Турции и Афганистана вне операции «Жусан» с 2017 г. по 2021 г. по различным каналам возвращены 128 человек (33 женщины и 95 детей). В ноябре 2019 г. были эвакуированы 14 детей (сироты) из Ирака. Операция получила название «Русафа» (в честь иракской тюрьмы, в которой содержатся матери этих детей). В целом, общее количество возвращенных из зон террористической активности составляет 749 человек (37 мужчин, 190 женщин, 522 ребенка).

Казахстан до этого не имел опыта репатриации и социальной реабилитации данной категории граждан. Работа по возвращению казахстанцев велась в нескольких направлениях силами сотрудников разных профильных ведомств. Решение некоторых вопросов, относящихся к компетенциям разных органов, стало возможным благодаря согласованной совместной работе Совета Безопасности и уполномоченных органов неправительственного сектора.

Были осуществлены:

1. Сбор информации о количестве граждан Казахстана, находящихся в лагерях и тюрьмах на территории Сирии и Ирака.
2. Работа с родными и близкими лиц, оказавшихся в зоне

террористической активности.

Решались важные вопросы о принятии и поддержке ими репатриантов после возвращения на Родину. Сложными представились вопросы принятия детей-сирот и детей, родившихся в Сирии, поскольку для процедуры установления родства и проведения генетической экспертизы необходимо участие родственников. Установление родства ребенка с матерью или близкими родственниками, особенно в отношении детей-сирот, проводилось в судебном порядке методом геномной экспертизы. На сегодня по этой экспертизе нет отрицательных результатов.

3. Идентификация граждан Казахстана – мужчин, женщин и детей, включая там родившихся.

Это сложная работа. Вследствие недоступности некоторых лагерей, в Ираке до сих пор остаются женщины с детьми, вопрос о возвращении которых находится на рассмотрении. Кроме того, есть женщины, пребывающие в террористических группах, а также семьи, где не знают, жив их ребенок или нет.

4. Встречи с женщинами в лагерях и тюрьмах Сирии и Ирака, где ставился вопрос о добровольном получении их согласия на возвращение в Казахстан и оформлении расписки о добровольном возвращении.

При этом женщин уведомляли о возможной ответственности в рамках казахстанского законодательства, если ими были совершены доказанные противоправные действия в зонах террористической активности.

После возвращения граждан Казахстана из Сирии сотрудники МИД РК провели пресс-конференцию, на которой журналисты смогли пообщаться с родными и близкими репатриантов, получить необходимую информацию. По прибытии репатриированные женщины и дети в течение месяца находились в Центре реабилитации и адаптации в г. Актау, который является оздоровительным и рекреационным центром. Методология социальной реабилитации, разработанная сотрудниками Центра, учитывала особенности каждой категории репатриантов: дети-сироты, дети из неполных семей, женщины с детьми, женщины без детей, мужчины. Работа проходила в двух

режимах: полный стационар, «детская гостиница» и дневной стационар. Благодаря согласованным действиям специалистов разных профилей в Центре были реализованы мероприятия по первичной социальной реабилитации и адаптации женщин и детей.

Учитывая физическое и психическое состояние репатриантов, в первую очередь осуществлялась медико-психологическая реабилитация: обследование, обеспечение вакцинации и карантина, оперативное лечение и экстренная психологическая помощь. Далее следовала правовая оценка действий репатриантов в период их пребывания в зоне террористической деятельности, оказывалась социальная поддержка. Психолого-педагогическая реабилитация включала комплекс мероприятий и мер, направленных на адаптацию к условиям мирной жизни.

Решение долгосрочных задач социальной реабилитации женщин и детей было поручено региональным центрам по месту жительства репатриантов, где также велась работа с родственниками о готовности принять их в семью. Возвращение к мирной жизни, социальная адаптация и ресоциализация поставили вопрос о трудоустройстве, самозанятости. Было организовано обучение репатриантов доступным специальностям на базе центров реабилитации.

В целом, анализ показывает, что опыт Казахстана обозначил четыре основных направления в организации процесса репатриации своих граждан.

Первое направление – подготовка к возвращению граждан Казахстана. Оно включает в себя мероприятия по установлению по возможности точного количества репатрируемых людей; работу с их родственниками, направленную на выяснение возможностей принятия и поддержки ими репатриантов; получение их потенциального согласия на геномную экспертизу.

Второе направление – работа с казахстанскими гражданами на территории зоны террористической активности, в том числе в лагерях и тюрьмах. Оно подразумевает мероприятия по идентификации граждан Казахстана, в том числе родившихся там детей, а также информационно-

разъяснительную работу, включающую рассказ об условиях добровольного возвращения репатриантов на Родину.

Третье направление – первичная социальная реабилитация и адаптация в Центре. Это направление включает в себя, главным образом, мероприятия, направленные на обследование, оказание необходимой медицинской и краткосрочной психологической помощи, а также социальную адаптацию к жизни в мирных условиях.

Четвертое направление – продолжение социальной реабилитации и адаптации женщин и детей в региональных центрах по месту проживания. Это направление включает в себя комплекс мероприятий, осуществляемых специалистами разных профилей, в том числе согласно плану индивидуальной социальной реабилитации ребенка, составленного местными исполнительными органами.

Женский исламский радикализм в Тунисе, общие и специфические инструменты дерадикализации

Поиск решения проблемы женского радикализма на сегодняшний день является чрезвычайно актуальным для стран Ближнего Востока и Африки. По данным доклада¹ Программы развития ООН, посвященного вопросу гендерного измерения возвращения, реабилитации и реинтеграции граждан, состоявших в рядах экстремистских группировок, только на севере Сирии в настоящее время задержано около 2 тыс. иностранных граждан – женщин и детей, аффилированных с ИГИЛ. Схожая ситуация и в Северной Нигерии, где в лагерях для перемещенных лиц содержатся тысячи женщин и девочек, добровольно или насильно вступивших в экстремистскую группировку «Боко Харам».

Хотя в Тунисе исламский радикализм характеризуется преобладающей долей мужчин, женский радикализм является серьезной проблемой на повестке обеспечения национальной безопасности, особенно в силу регулярных актов самоподрыва, осуществляемых последовательницами радикальных группировок в республике.

Отправной точкой зарождения и развития феномена женского радикализма в Тунисе можно считать 2011 г. Именно после событий «Арабской весны» эксперты фиксируют активизацию группировки «Ансар Аш-Шариа», крыла «Аль-Каиды» в Тунисе, а также резкий рост вовлеченности женщин в исламские течения экстремистского толка².

Участие тунисских женщин в деятельности радикальных исламских

1 Invisible Women: Gendered Dimensions of Return, Rehabilitation and Reintegration from Violent Extremism. UNDP (2019). URL: <https://icanpeacework.org/wp-content/uploads/2019/02/ICAN-UNDP-Rehabilitation-Reintegration-Invisible-Women-Report-2019.pdf>

2 Aaron Y. Zelin. Tunisia's Female Jihadists. The Washington Institute. 2019. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/tunisi-as-female-jihadists>

группировок осуществляется в двух плоскостях:

⤵ За пределами Туниса в составе подразделений таких террористических группировок, как ИГИЛ, «Аль-Каида», «Хаят Тахрир Аш-Шам» и др.

Хотя численность женщин не велика, основная озабоченность связана с тем, станут ли они и их соратники представлять серьезную опасность по возвращении домой.

⤵ В рядах подпольных группировок на территории Туниса.

Подобную борьбу тунисских женщин «за правое дело» внутри страны власти рассматривают как наиболее существенную угрозу безопасности Туниса.

С 2011 г. около 7 тыс. тунисцев вступили в ряды террористических организаций в Сирии, Ираке и Ливии, 700 из них – женщины. Вместе с тем доля тунисских женщин, против которых выдвигаются обвинения по статье терроризм, не превышает 3,5 %³. При этом лишь треть всех обвиняемых в терроризме состоят в официальном браке, из чего можно сделать вывод о том, что граждане, состоящие в браке, менее склонны к радикализации.

Тем не менее эти данные не отменяют факт вовлеченности некоторой доли женского населения в деятельность местных радикальных течений. Данная проблема подсвечивается регулярными актами самоподрыва, осуществляемыми женщинами в разных частях Туниса. Так, в октябре 2018 г. 30-летняя женщина привела в действие взрывное устройство в центре столицы Туниса, в результате чего погибла она сама и несколько сотрудников службы безопасности получили ранения⁴. Этот инцидент вызвал особый общественный резонанс, поскольку ранее считалось, что идеи исламского радикализма могут находить отклик лишь в рядах необразованной молодежи, а у этой смертницы было высшее образование.

3 المسار الجغرافي للنزاع والتطرف في تونس (География распространения радикализма в Тунисе). 2017. Фонд Карнеги за международный мир. URL: <https://carnegie-mec.org/publications/72776>

4 الجمعيات النسائية تُحارب التطرف في تونس مارو يوسف, حمزة الميغري (Женские ассоциации борются с радикализмом в Тунисе). 2019. Фонд Карнеги за международный мир. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/78687>

Пока одна часть женского гражданского общества Туниса вовлекается в радикальные религиозные течения, другая объединяется и предпринимает активные усилия по борьбе с ними. В целом инструменты дерадикализации женщин можно разделить на две группы:

1. Общие инструменты дерадикализации – комплекс мер, который затрагивает всех, кто находится в зоне риска вне зависимости от половой принадлежности, и в первую очередь реализуется в рамках различных государственных программ, направленных на профилактику радикализма.

Так, целевой аудиторией большинства подобных программ является молодежь, поскольку именно молодые люди в наибольшей степени подвержены риску радикализации⁵. И это понятно, ведь первопричины радикализации как мужчин, так и женщин связаны, прежде всего, с высоким уровнем экономического неравенства, безработицы и разочарованием в демократии. Вышеупомянутый резонансный самоподрыв был совершен в октябре 2018 г. молодой образованной, но безработной девушкой. По данным Национального института статистики, во II кв. 2022 г. безработица среди женщин была значительно выше (20,5 %), чем у мужчин (13,1 %)⁶.

2. Специфические инструменты дерадикализации – меры, направленные конкретно на дерадикализацию женских групп с учетом их особенностей.

Отличительной чертой Туниса является то, что такие меры, как правило, реализуются женщинами для женщин, т. е. не государством, не гуманитарными или общественными организациями, а именно профильными женскими ассоциациями.

Многие местные женские ассоциации определили борьбу с экстремизмом в качестве основы своей философии, ведь такая позиция в высшей степени соответствует целям повышения качества жизни женского населения в целом.

5 Country Reports on National Approaches to Extremism: Tunisia. Framing Violent Extremism in the MENA region and the Balkans. The European Institute of the Mediterranean. December 2020. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/870724>

6 National Institute of Statistics. URL: <http://www.ins.tn/en>

Так, например, организация «Женские голоса» регулярно проводит мероприятия, где женщины общаются с религиозными деятелями, которые в свою очередь поощряют их к распространению универсальных миролюбивых ценностей⁷.

Женская ассоциация Тунисский средиземноморский центр (TU-MED) и *Femmes & Leadership* помогают женщинам в сельской местности найти работу, а также предоставляют им небольшие ссуды для создания собственного бизнеса.

Другим примером стала успешная реализация в 2018 г. Арабским женским тренингово-исследовательским центром (CAWTAR) совместно с Национальным комитетом по противодействию терроризму Туниса проекта под названием «Голоса мудрых женщин против экстремизма в Тунисе»⁸. В рамках инициативы был проведен комплекс семинаров, посвященных феномену экстремизма, выявлению его основных причин, последствий и путей их смягчения. По итогам разработаны рекомендации для правительства Туниса, учитывающие гендерные особенности дерадикализации тунисских экстремистов.

Поскольку одним из основных инструментов радикализации является интернет, в частности социальные сети, Центр исследований, документации и информации о женщинах (CREDIF) Туниса решил использовать эти каналы для осуществления антипропаганды радикализма, привлекая местные СМИ к созданию видеоклипов и песен в стиле рэп, в которых доступно разъяснялась вся пагубность радикализма⁹.

Кроме того, с учетом продолжающихся попыток тунисских смертниц

7 *الجمعيات النسائية تُحارب التطرف في تونس* (Женские ассоциации борются с радикализмом в Тунисе). 2019. Фонд Карнеги за международный мир. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/78687>

8 *صوات الحكمة للنساء من أجل مناهضة التطرف العنيف في تون*. مركز المرأة العربية للتدريب والبحوث. الصادر سنة 2018. URL: <https://cawtarclearinghouse.org/en/Publications/women-voices-of-reason-to-counter-violent-extremism-in-tunisia-2018>

9 *Sherine El Taraboulsi-McCarthy and Rachel George*. The gendered dimensions of violent extremism in North Africa: approaches, policy and practice. Third expert meeting report. Overseas Development Institute. January 2020. URL: https://arabstates.unwomen.org/sites/default/files/Field%20Office%20Arab%20States/Attachments/2020/04/PVE%20page%20Updates/3RD%20PLATFORM%20MEETING%20REPORT%20V2_CTED%202204.pdf

проводить теракты, 120 женщин-полицейских прошли специальную подготовку, нацеленную на повышение переговорных навыков, что особенно актуально в свете вышеупомянутых женских террористических атак.

К наиболее эффективным направлениям дерадикализации в Тунисе можно отнести сокращение разрыва в развитии регионов, создание производственных кластеров и повышение вовлеченности женщин в экономическую деятельность. Хотя сокращение разрыва в развитии регионов являлось одним из основных требований тунисской революции, сменявшие друг друга правительства уделяли недостаточно внимания развитию периферийных районов, население которых наиболее подвержено рискам радикализации. Особенно это касается проблемы обеспечения рабочих мест для женщин.

Для повышения занятости необходимо создавать новые производственные кластеры подобные тому, что в ближайшие годы появится в приграничном с Ливией тунисском городке Бен-Гардан. Производственный кластер и зона свободной торговли (ЗСТ) Бен-Гардан¹⁰ – один из приоритетных проектов пятилетнего плана развития Туниса на 2021–2025 гг., который призван стимулировать экономическую активность на юге страны. По задумке властей новая ЗСТ должна стать воротами между динамично развивающимися африканскими рынками и рынками Европы и Азии через Ливию. За счет проекта планируется создать 9 тыс. новых рабочих мест. Подведение коммуникаций к инфраструктурным объектам ЗСТ находится на завершающем этапе. Для привлечения инвесторов снимаются ограничения на приобретение недвижимости иностранцами, предоставляются широкие налоговые льготы, создается центр, в котором в режиме «одного окна» будут оказываться услуги по открытию бизнеса¹¹.

10 Ben Guerdane Free Trade Zone, development engine for Tunisian southern region. URL: <https://www.tap.info.tn/en/Portal-Economy/15012258-ben-guerdane-free>

11 Pipeline of public-private partnership projects in Tunisia. URL: http://www.igppp.tn/sites/default/files/Fiches_descriptives/06-Fiche%20ZALC%20Ben%20Guerdane.pdf

Проблемы дерадикализации на Северном Кавказе: гендерный аспект

Процессы радикализации, интенсивно проходящие на Северном Кавказе, стали менее заметны в связи со снижением террористической активности в регионе. В то же время, до сих пор среди значительной части жителей региона можно встретить увлеченность радикальной идеологией и оправдание террористических методов борьбы.

В ЮФО и СКФО проводится много мероприятий, посвященных противодействию радикализму, создаются проекты, программы, проводятся форумы, конференции и круглые столы. На официальные мероприятия приглашаются эксперты из федерального центра, зачастую изучающие опыт Израиля, но далекие от понимания устройства жизни и духовной сферы кавказского общества. Вопрос дерадикализации исламистов звучит достаточно редко. Можно встретить единичные инициативы, которые используют данный термин. Так, с 2016 г. Центр исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» проводит изучение проблемы радикализации и дерадикализации (прибегая к методам социологии)¹. Психолог О.С. Павлова в рамках МГПУ проводит изучение «Психологии экстремизма, радикализации и дерадикализации» (в рамках психологического анализа)².

Если для большинства практиков допустимо рассмотрение противодействия радикализму, и в этом противодействии видят высокую роль силовых ведомств и религиозных структур (что частично подтверждается исследованиями, но с другой стороны, активность некоторых религиозных

1 Радикализация и де-радикализация. <http://center-kmr.ru/de-radikalizatsiya/radikalizatsiya-i-de-radikalizatsiya/>

2 Постоянный научно-методологический семинар «Психология экстремизма, радикализации и дерадикализации». <https://mgppu.ru/project/406>

деятели зачастую имеет обратный эффект и приводит молодежь к радикальной идеологии), то проблема дерадикализации женщин остается одной из самых актуальных³. Женщина является транслятором ценностей в семье, поэтому от ее настроений и позиции зависит будущее общества.

Чтобы изучить гендерный аспект радикальности и определить оптимальные пути для дерадикализации женщин, в рамках проекта «Религиозные организации, стратегия и практика на Юге России в контексте преодоления радикализма: гендерный аспект»⁴ было проведено исследование, позволяющее понять пути, способы и причины женской радикализации. Были организованы и проведены интервью с 36 женщинами с целью изучить, как они сами видят данную проблему, а также количественное исследование в регионе, охватившее 1000 человек и позволившее понять отношение общества к проблеме и выработать рекомендации.

Исследование показало, что в настоящий момент сохраняется высокая религиозность, приверженность идеологии остается прежней, но активность женщин перенаправляется в новое русло. Женщины из группы риска вовлекаются в новые практики (здоровый образ жизни, правильное питание, забота о здоровье и теле и т. д., их отличает общественная позиция, зачастую не обсуждаемая с посторонними.). Происходит нацеленность на изменение места жительства, сохранение общения с единомышленниками, переориентация активности в сферу бизнеса и услуг. В ходе интервью ощущалось выстраивание и углубление границ с внешним миром, с теми, кто не принадлежит группе. Не только женщины из группы риска дистанцируются от непонимающего их общества, но и само общество выстраивает границы, отделяя женщин еще сильнее. В данной ситуации важно избегать подобного отдаления, проявлять

Зюнусова А.Б. Женщины в списке Росфинмониторинга: краткий статистический обзор перечня физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму // Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект: Материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 24-25 июня 2022 года / Под редакцией О.С. Мутиевой, С.В. Сиражудиновой. Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022.

4Грант Российского научного фонда № 22-28-00484, <https://rscf.ru/project/22-28-00484/>

внимание к проблемам⁵ близких, и тогда молодые люди, оставаясь верными религии, будут с уважением относиться к принципам гуманизма и ненасилия.

⁵Возможности дерадикализации молодежи на Северном Кавказе. 10.11.17.
<https://mkala.mk.ru/articles/2017/11/10/vozmozhnosti-deradikalizacii-molodezhi-na-severnom-kavkaze.html>

Сулумов С.Х.
к. геогр.н., зав.кафедрой «менеджмент»,
Чеченский государственный университет
имени А.А. Кадырова

Некоторые аспекты определения радикальности и радикализации акторов социальных процессов

Современное инфо-коммуникационное пространство критически информативно политизировано. В настоящее время исследование феномена радикализации продолжает вызывать значительный интерес, что обусловлено процессами, протекающими в современном мире, в том числе разного рода конфликтами, связанными с проявлениями политического насилия, нередко в форме экстремизма и терроризма. Термин «радикализация» давно прочно вошел в политический дискурс и научный оборот, активно используется в различных контекстах, однако при этом мы можем констатировать значительную эволюцию во взглядах на сущность этого феномена, а также серьезные противоречия между исследователями в трактовке его содержания.

Фактически слова «радикальный» и «радикализация» означают разные смыслы для разных людей. Одновременно мы наблюдаем распространение разного рода идеологий, уже привычно обозначаемых в СМИ и в научных публикациях как радикальные, и часто становимся свидетелями событий, связанных с движениями, которые сами себя позиционируют или идентифицируются другими как радикальные. Все эти явления, по нашему мнению, весьма неоднозначно связаны с понятием «радикализация». В целом можно констатировать, что отечественная научная литература все еще не выработала четких концептуальных рамок для понятия «радикализация», а попытка использования термина «радикализация» лишь относительно факта вступления в вооруженные группировки и участия в насильственных действиях, как нам представляется, ограничивает его «рабочий» объем.

Радикализация, прежде всего, представляет собой распространение в обществе радикальных идей, которые, в свою очередь, часто становились

«приводным ремнем» социальных и политических трансформаций, зачастую практически не связанных с насилием. Более того, большинство людей с радикальными взглядами (в рамках классической трактовки процесса радикализации) в реальности не прибегают к насилию. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, утверждающих, что «радикализироваться не означает стать террористом: далеко не все люди, разделяющие радикальные или экстремистские взгляды, решаются на акты насилия».

Таким образом, радикализация как процесс не может быть признана безусловно связанной с насилием и потому нельзя ее считать априори преступлением. Тем более что, по мнению некоторых авторов, «при определенных условиях радикализироваться может каждый», и «ценности и поведение человека во многом обусловлены тем, в какой степени его выживание гарантировано»¹.

Как известно, сами термины «радикал», «радикализм» и «радикализация» имеют западное происхождение. Более того, их новое прочтение также зародилось на Западе в середине 2000-х гг. В связи с этим представляется важным рассмотреть происхождение, эволюцию и современное состояние исследований соответствующих понятий в зарубежной литературе, определить сущность и основные характеристики данного процесса. Интересно проследить сложившиеся в зарубежной науке подходы к трактовке этих понятий и их взаимосвязь с другими категориями, например, такими как «экстремизм» и «терроризм». «Государство представляет собой аппарат сдерживания и принуждения»².

В полиэтническом и поликонфессиональном обществе, формы социальной организации, в том числе и государственные, несут в себе противоречия. «...быстрая смена базовых норм общества создаёт поляризацию между теми, кто придерживается традиционных мировоззрений, и теми, кто разделяет современные мировоззрения, вызывая сильный политический

1 *Инхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. . М.: Мысль, 2018. С.19.

2 *Мизес, Людвиг фон.* Либерализм. Челябинск: Социум, 2014. С. 61.

конфликт»³.

Д. Барлетт и К. Миллер предложили четко разграничивать два вида радикализации. Первая из них – насильственная радикализация, или радикализация, ведущая (приводящая) к насилию (*violent radicalization*), – представляет собой, по мнению указанных авторов, процесс, в ходе которого отдельные лица приходят к принятию насилия, напрямую участвуют или помогают в террористической деятельности; второй вид – радикализация, не приводящая к насилию, ненасильственная радикализация (*non-violent radicalization*), – трактуется как процесс, с помощью которого отдельные лица приходят к поддержке радикальных взглядов в отношении *status quo*, но не принимают, не участвуют и не помогают террористической деятельности.

Стоит также отметить, что «...люди в ситуации тревоги за собственную безопасность нуждаются в психологической поддержке и обнадеживающей предсказуемости традиционных абсолютных правил религии; но как только уверенность в выживании возрастает, это уменьшает такую потребность»⁴.

3 *Инглхарт Р.* Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С.15.

4 Указ. соч. С. 17.

Харитонов Е.В.

к. психол. н, доцент ст. науч. сотр.

Центра цивилизационных и
региональных исследований

Института Африки РАН

Возможности социальной психологии в программах дерадикализации исламистов

К проблематике дерадикализации исламистов, («дерадикализации тех, кто уже совершил террористические акты, и предотвращение радикализации потенциальных рекрутов терроризма»¹) в настоящее время приковано внимание спецслужб и силовых структур, представителей гражданского общества, страдающего от насильственных действий радикальных исламистов, а также ученых различных специальностей: религиоведов, социологов, культурных антропологов, психологов. Социальные психологи заняты научным осмыслением данной проблематики и встраиванием социально-психологических методик в практику дерадикализации.

К числу социально-психологических исследований дерадикализации в России прежде всего относятся разработки О. Павловой, а также фундаментальное исследование под руководством И. Бовиной (РФФИ), где основой является подход к социальной идентичности в целом и к теории неопределенности-идентичности, в частности. Процесс дерадикализации в этой парадигме связан с идеей смены социальной идентичности.

Продуктивным кажется подход, сочетающий в себе теорию и практику социальной психологии с элементами криминальной психологии, в частности, *пенологию* (направление криминологии, изучающее применение санкций и ресоциализацию преступников).

Далеко не все возможности социально-психологической науки и социально-психологических технологий учтены и осмыслены учеными, имеющими дело с проблемой дерадикализации. В задачи данного исследования

¹ Карпачева О.В., Нефляшева Н.А. Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России. Журнал исторических исследований. Том 3, № 4, 2018. С.18–32.

входит интеграция социально-психологической проблематики, релевантной созданию научных основ дерадикализации, а также систематизация эффективных методов работы с радикальными исламистами. Из всего многообразия социально-психологических подходов и концепций, которые могут составить научную теоретическую базу при создании программ дерадикализации, на данном этапе мы предлагаем рассмотреть 5: структуру потребностей (по А.Маслоу), теорию стигматизации Э. Дюркгейма, технологии изменения установок (attitudechange) К.Ховланда и его последователей, концепцию социальных ожиданий (экспектаций) и концепцию копинг-стратегий по Р.Лазарусу и Э.Хайму) (так, выявленная ведущая копинг-стратегия дает реальные основания для прогнозирования поведения человека, а также для подбора конкретного способа его реабилитации и ресоциализации), идеи Гирта Хофстеде о параметрах дистанции власти и толерантности к неопределенности. Таким образом, предлагается рассматривать как индивидуально-психологический уровень рассмотрения проблемы дерадикализации, так и групповой, включая уровень исследований убеждающей коммуникации через использование моделей убеждающей коммуникации.

С психологической точки зрения, базовыми элементами радикализации (как и любого другого проявления человека) являются мотивационно-потребностные и смысловые факторы. Зная эти факторы, мы можем выстроить эффективную схему противодействия радикализации, которая будет работать по принципу замещения, или альтернативы. Мотивацию можно рассмотреть в двух аспектах: как мотивацию поведения, в данном случае преступного поведения, как побуждение к общественно опасному действию (бездействию)»². Мотивационные факторы в структуре человеческой личности образуют иерархию. Структура потребностей также иерархична. Наиболее известной моделью структуры потребностей является пирамида

2 Минин А. Актуальные проблемы девиантного поведения несовершеннолетних и молодежи. М.: Прометей, 2016.

Маслоу, что, с одной стороны, выглядит некоторым упрощением, но при этом дает простые и понятные основания для практики дерадикализации.

Важную роль в регуляции социального (группового поведения) играют социальные ожидания, или «экспектации». Соответствие или несоответствие реальности сформировавшимся ожиданиям определяет как эмоциональное состояние, так и принятие решения о дальнейших действиях. Люди поддаются вербовке и вступают в радикальные исламистские организации под влиянием 2х базовых обстоятельств: первое – несоответствие окружающей действительности потребностям и представлениям человека о «правильной» или «нормальной жизни», несоответствие происходящего усвоенным религиозным, нравственным, этическим нормам, то есть сбой в системе социальных ожиданий (экспектаций) от жизни. С социально-психологической точки зрения, этот фактор может рассматриваться как одна из причин радикализации. Второе – это ожидания (надежда) на решение всех проблем и удовлетворение потребностей различного уровня, по А.Маслоу, через интеграцию в радикальную группировку. Эту картину могут рисовать «рекруту» профессиональные вербовщики, которые формируют у человека искаженные и/или завышенные ожидания. Существует достаточное число свидетельств, что реальность жизни в радикальной группировке, реальные действия радикальных исламистов, не согласующиеся с основами ислама, можно охарактеризовать как несоответствие реальности сформировавшимся ожиданиям. Этот фактор дает основания для проработки и корректировки социальных ожиданий в рамках программ дерадикализации.

Особого внимания для объяснения процессов радикализации и разработки технологий дерадикализации заслуживает теория стигматизации.

Стигматизация является одним из факторов, побуждающих человека или группы людей к выбору определенного типа поведения, в том числе девиантного. Стигматизация определяется как формирование негативного отношения к отдельному человеку или группе людей на основании некоторых психологических, физических, интеллектуальных и других особенностей, что

ведет к социальному неодобрению и может способствовать дискриминации. На социально-психологическом уровне работа по профилактике радикализации должна включать в себя не только работу с реальными и потенциальными исламистами, но также и с «принимающим» обществом в целях профилактики стигматизации.

Мотивационные факторы, специфика ожиданий, непродуктивные копинг-стратегии являются предикторами радикальных проявлений. Формирование альтернативной мотивационной структуры личности, «правильное» с социально-этической точки зрения наполнение уровней пирамиды потребностей Маслоу, эффективные технологии изменения установок, а также работа на уровне общества по недопущению стигматизации людей и социальных групп, которые на уровне сформированных социальных представлений могут быть отнесены к потенциально криминализованным. Исследователи отмечают, что беженцы и мигранты, представители мусульманских диаспор, не являются террористами и преступниками, но на уровне общественного сознания к ним может проявляться предвзятое отношение, нарушающее базовый юридический принцип презумпции невиновности и подталкивающее людей, чувствующих себя изгоями, не включенными в социальные структуры, к криминальному поведению.

Следует отметить, что в условиях идеологического конфликта на внешнем контуре радикализация неизбежна, оправдана защитой своих ценностей и подобна усилению иммунитета. Не случайно радикальные действия западно-африканской (нигерийской) группировки Боко Харам начинались и проходили под анти-западными лозунгами («Западное образование – это грех»), а мишенью террористических атак становились не только люди и группы людей, но и символы «западного мира». Поэтому идеологический уровень дерадикализации является наиболее сложным. В сочетании с проявлениями стигматизации и дискриминации, специфика современного развития западного мира входит в противоречие с ценностями традиционной этики потенциальных исламистов.

Царегородцева И.А.
к.и.н., доцент Школы востоковедения факультета
мировой экономики и мировой политики
Национального исследовательского университета
Высшая школа экономики

**Кораническая экзегетика и дерадикализация ислама: подход
сирийского инженера Мухаммада Шахрура**

Вплоть до настоящего времени мусульманские ученые не прекращают заниматься поисками теоретических основ обоснования нелегитимности радикальных идей в исламе. Среди таких идей – необходимость борьбы против определенных категорий людей и действий, направленные на кардинальный слом существующих социальных и политических порядков. Мусульманские ученые видят задачу в том, чтобы в противодействии этим идеям и их носителям убедительно прозвучали аргументы, основанные, прежде всего, на Коране, так как авторитет священного писания непререкаем среди абсолютно всех мусульман, вне зависимости от того, каких взглядов они придерживаются. Вот почему многие годы теоретизацией дерадикализации ислама занимались, прежде всего, мусульманские богословы, получившие традиционную подготовку в медресе и исламских высших учебных заведениях.

Настоящий доклад посвящен теоретику дерадикализации ислама Мухаммаду Шахруру (1938–2019). Шахрур не имел традиционного богословского образования, а его философские взгляды формировались под влиянием не только мусульманской культуры, но и в том числе опыта пребывания и учебы в СССР и на Западе.

Пожалуй, трудно представить себе другого современного арабо-мусульманского мыслителя со столь же неоднозначной оценкой его деятельности со стороны общественности. В мусульманском мире его и любили, и ненавидели, часто критиковали – прежде всего, за то, что он, по словам традиционных богословов, не обладал соответствующей квалификацией, чтобы *так* толковать Коран.

Вместе с тем, книги Шахрура, и прежде всего, его дебютная работа «Писание и Коран: современное прочтение» (1990) разошлись огромными тиражами. Читателей привлекал неординарный подход сирийского мыслителя к толкованию смыслов священного писания, смелость его выводов и категоричность суждений в том, что касалось таких тем, как терроризм, насилие и радикализм – Шахрур отвергал их принципиально и даже не пытался разглядеть в них реакцию на какие-либо внешние или внутренние вызовы, как это иногда делали другие.

В основе его экзегетики Корана – как методология классической исламской науки (например, прием под названием *та'виль*), так и подходы, и концепции, разработанные в рамках европейского позитивизма и структурализма. Для Шахрура любой коранический фрагмент, каждое содержащееся там слово или выражение – это часть единого целого, анализ которого невозможен без исследования всего контекста. Важным является и поиск исходной семантики наиболее проблемных и дискуссионных сегодня слов в контексте ислама – «терроризм», «деспотизм», «шахид» и пр.

Общий вывод сирийского мыслителя – понимать священный текст нужно, прежде всего, с опорой на этот источник, но ни в коем случае не игнорируя достижения современной науки. Буквалисты, рассуждающие о значении каждой точки в Коране, но не понимающие ничего в современной семиотике, лексикологии и даже инженерии, похожи на заблудших в потемках путников. По мнению Шахрура, такие заблудшие виноваты не в том, что сами потеряли дорогу, а в том, что увлекли за собой многих, заставив поверить тех в ложные выводы.